

Лазарь Соколовский

Подмалевки

Лазарь Соколовский

Подмалевки

«Издательские решения»

Соколовский Л.

Подмалевки / Л. Соколовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852296-3

Вливаясь в общий поток искусства, каждый художник пытается передать свое видение развернувшейся перед ним панорамы мира. Но как бы он ни старался, цельной картины не получается, так... как бы случайные подмалевки, в которых, однако, иногда прорезываются и какой-то смысл, и какие-то наметки дальнейших путей. Вероятно, это и есть то, что автор хотел бы донести до читателя, если он остановится перед несовершенными набросками без привычной суеты и спешки.

ISBN 978-5-44-852296-3

© Соколовский Л.
© Издательские решения

Содержание

Подмалевки	6
Снова горы	10
Отрывок	12
Весенний звездопад	14
В дороге	15
У черты	17
После того...	19
1. Она	19
2. Они	21
3. Он	23
К пейзажу	25
Вторичный эпос	28
Ассоциация	32
Свет без пламени	33
Из далека	35
Театр абсурда	39
Пролог	39
Подобия действия	41
Эпилог	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Подмалевки

Лазарь Соколовский

Фотограф Алла Соколовская

© Лазарь Соколовский, 2017

© Алла Соколовская, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-2296-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подмалевки

1

Зима задержалась... Наверно, в верхах
какие-то вышли разборки.
Что видно отсюда: весь свод в облаках,
слежалые снежные горки

к подъездам. Наш город – село, не село,
и к марту такая скучища...
Ну, скоро ли Солнце? добро или зло
в создании? станет ли пища

духовней? – скорее зависит от нас,
и все-таки больше бы света...
Вразвалочку день разорился на час,
да зябко и тускло при этом

и некуда выйти: очески земли
давно не скучают по росам,
ощерившись настом, дороги в соли,
лениво толпятся торосы

у кромки на озере, дальше за них
вода отдувается жостью...
В движении ступор, и ветер затих,
как будто творец не на месте.
Да так ли? Все это забудется, лишь
возьметесь апрель за работу,
и вряд ли тогда у окна усидишь,
сметенный его разворотом.

Пусть нынче надежда – скорее просчет,
хоть лезет в башку бестолково,
март – это весна не взаправду еще,
март – это еще подмалевок.

2

Последний лист снесло вчера
с дубка, что выскочил напротив
приюта нашего. Всей плоти —
былинка с метр, одна кора...

Молоденький, он спал захлеб,
так дети спят, и не заметил,
как налетел возвратный ветер,

одежку хлипенькую сгреб

и сдул играя. Пусть она,
подсохшая, уже не грела —
какой-то смысл давала телу.
Теперь – безмолвная струна

без дуг девичьих, без колков —
наследья Фебова угара,
не лира, даже не гитара —
один из выживших ростков
отца того ль, что вечность пьет
в аллее шелковского парка,
или Толстовского подарка
с «Войны и мира», чей полет

когда-то сдвинул и меня
вослед Андрею с мертвой точки...
Проснись, малыш! уж март, и почки
пригрело солнцем, суетня

вот-вот начнется: гомон птиц
разбудит темные криницы,
возьмутся травы, медуницы,
как трепетные лики жриц,

закружат хороводом, чтоб
снова растревожить память.
Пусть не равняются со столпами,
но как представишь – столько троп,

подростку, предстоит ему
пройти в слепых годах ученья,
чтоб, став частицею творенья
и растворенья, свет и тьму

вбирая в плоть, среди бродяг
таких же, с золотой листвою
расстаться, сморщиться корою,
в иную мудрость отходя.
Когда представишь... Что там лист,
пускай отмоленный, последний —
сама судьба стоит в передней:
– Ты все играешься, артист?

не перепел себя? – ростки,
хотя бы два, стройней и выше...
Зачем, что в космосе расслышал,
размениваешь на стишки?

Опять весна подкатывает первым
чуть слышным бормотаньем поутру
с пути уставшей птахи. Вот и прерван
сон зимний... Только что я соберу,

сбежав сюда от сутолки столичной,
где прогремит отчаливать звонок?
Откуда говорить – мне безразлично,
откуда достучаться – все одно,

лишь достучаться б зовом, хрипом, песнью...
Все заново начать неважно —
уж ниточки гусей по поднебесью
отчеркивают вехи на лету,

они домой летят – мне на гнездовье
силенок не собрать: года не те...
Но как проститься с нажитой любовью,
чтобы пристать к беззвездной пустоте?
Как не срастись с весной этой ранней,
где влился сам в настройку скрипачей,
летающих зыбким клином, с бормотаньем
случайной птахи? Как уйти ни с чем

совсем в ничто? Когда бы в том пространстве,
что кинули, мы оставляли след...
Приехали – с завидным постоянством
опять изобретать велосипед

нетленности души, опять пределы
отодвигать, где грез невпроворот.
Упаковал сон зимний в брэнность тело,
казалось, прочно... Но весна грядет,

и к черту все сомненья, все просчеты
былые, свежий ветер разорил
слежалый кров. И тянешься к блокноту —
озвучить взмахи мощных чьих-то крыл

и, значит, тоже снова приобщиться
не к угасанью постному. В алчбе
зайдется сердце – прилетают птицы,
природа повторяется в себе.

Хоть нам видна обложка повторенья —
подернутая солнечным огнем

синь мартовская – крохой вдохновенья
оттаявшей, возможно, оживем,
ведь текст внутри... Оставив, домочадцам
измаранные начерно листы
попыток скудных, если б достучаться
до слепоты окружной, глухоты...

Снова горы

Отголосками прежних песен
мир качнувшийся не сберечь...
Замаячил опять Lake Placid,
будто тяжкая ноша с плеч.

И с чего грустить в самом деле,
что опять где-то там разор —
профиль гор из окна отеля,
не кавказских, но все же гор.

Будто Лермонтова страницы
расплескали былой амфир,
нам отмерены не границы
кем-то вбитые – целый мир,

где скитаться уже привычно,
коли гонит своя страна.
Что ж... пускай языки различны,
но природа везде одна

и тогда была и поныне.
Нам, как Лермонтову, близки
реки, степи, моря, пустыни —
средство верное от тоски.
Только горы – пейзаж особый:
ближе к небу ль, яснее взгляд...
Как смывает с души хворобы
дальней родины. Встали в ряд

озабоченными хребтами,
где подспудный процесс таим
созиданья, хоть пусто в храме —
сохранится ли третий Рим...

Перепетая, вроде, тема —
те же варвары изнутри,
пролетит, усмехаясь, Демон
над потугами индустрий.

Вновь от бога – одни обноски:
в древних складках гранитных риз,
как игрушечные, полоски —
слалом катится к черту вниз;

озадачивая крутины

(камнепаду подставить лбы?..),
словно вызов, торчат трамплины,
выворачивая горбы.

Падший ангел, какое дело,
что проявится под крылом...
Та же рукопись пожелтела
в детском споре добра со злом,
спать поэту – не катит даром
легкий профиль в углу листа.
Промелькнет, словно лик Тамары,
ускользающая красота

и утонет в нездешних весах,
не востребована никем,
раскидав отголоски песен
с несостарившихся поэм.

Но и в этом несбереженном
мире вдруг будто вздрогнет хор —
девы, что так не вышли в жены,
позовут из-за кромки гор.

Отрывок

Я не говорю ни о мести, ни о прощении. Забвение – вот единственная месть и единственное прощение.

Хорхе Луис Борхес «Фрагменты апокрифического Евангелия»

Забвенье – все, что нам дано:
опять заснуть, надумав сказку.
Забвенье – хитрая отмазка,
где плоть – за хлеб, за кровь – вино.

Как это все?.. Еще вчера,
казалось, затемно сидели.
Чадил костер. Канун недели.
Скорее холм был, чем гора.

Ни любопытных, ни зевак,
и только отблески заката
того высвечивали брата,
затем другого, дальше мрак...

Он что-то говорил, но в нас
слова еще не оседали
той мощью, что осмыслит дали —
корм не в коня в который раз.

Усталым разве важно, чей
глагол явил бы в сновиденье
смещенный свет. Сжимались звенья
Его космических речей.

«Мой срок недолог, на роду
вам писано нести скрижали
завета с миром, пусть вначале
здесь, дома... Но когда уйду,

едва приестся детский гам
соседских толп, погрязших в быте,
в границы чуждые несите
всем: и собратьям, и врагам —

весть, что на нет сойдет война,
когда одной семьей навеки
стать. Как деревья, камни, реки —
все эти божьи письмена

свидетельство: одна земля

и море, где я шел по суху.
Благословим же нищих духом,
кому легко начать с нуля,

нытьем не искушать судеб,
а, встав по солнышку, как птицы,
росой холодной напиться
и ставить дом, и сеять хлеб.
Отмеченным – тем кисть, перо:
воображение – опора
труду, но чтоб без перебора,
ведь безответное добро

так хрупко. Кто и помудрей...
случится: перевесишь меру —
скорее ханжество, чем вера,
не долг – тщеславие скорей.

Парча покровов, злато чаш,
иконы правду кроют пылью...
Спротивление не насильем —
любовью есть путь крестный ваш.

И как ни манит бытие,
не поддавайтесь сну и лени —
идуший к истине блаженен,
пусть как до неба до нее.

Конечно, время растрясет
и то, что вам пришлось увидеть...»
Он смолк. Мы снова дремлем сидя,
что и вчера. Как это все? —

в который раз повис вопрос:
опять забвенья вместо порки?
А, может, это просто Борхес
апокриф случаем занес,
где праздник братства и любви
всеобщих – пшик!? Распались звенья
Его речей. И вновь забвенья
похоронило звездный вихрь.

Месть ли, прощенье ли... За что?
кому? Так было изначально.
Молитва – лишь намек печальный,
разворошенное не то?

Весенний звездопад

Соблазн заиграться настолько велик —
еще бы, такая приманка! —
и зуд перемен, поддаваясь на крик,
смутил и тебя спозаранку.

Весна захлебнулась ли – птичьих рулад
уже не вмещаешь с рассветом,
а тут еще пробный смурной звездопад
сезонные валит приметы.

Довольно, бездельник, пора подвести
итоги дерзаний несмелых,
где взял, что искусство уже не в чести —
а кто там гремит оголтело

из ближних кустов! Ни концов, ни начал —
залетный поток несмысленный,
как будто хозяин какой распихал
всю тварь по абсурдным вагонам

состава, где валится принцип игры,
что был за творенье расчислен.
Бессмысленный хаос рождает миры —
а что, коль не так он бессмыслен?
Молись ли, бунтуй – а природа свое
возьмет, не нуждаясь в оценке
твоей или чьей-то. Мы ладим раек —
она разрывает плаценту,

хоть даром бери: избылиция рог
откликнулся маем лукаво —
и сыплются гроздья бессмысленных строк,
где буйствуют птицы и травы.

Вали, звездопад! Бесшабашность – удел
не ждущих размеренных сроков,
и взмыленный хаос разбить захотел
унылую праведность рока.

Наверно, и ты б бескорыстно раздал
весь дар... кабы мы были в праве.
Но где-то твоя полыхает звезда,
что тоже зачем-то оставил...

В дороге

Май на подходе. Радужные нити
уже покрыли вновь каркас деревьев,
уставших ждать его, зеленым пухом.
До синевы небес голубизна
сгустилась. Лишь живительная лава
на землю полилась, тотчас бутоны
всех мыслимых цветов, прорвавши тьму,
одним порывом развернулись к свету,
возжаждавши с приливом плоти воли,
и трепетно раскрыли естество,
таимое от глаз чужих, покуда
в них не пробьется вновь иная плоть,
чтоб предъявить права на продолженье.

Заманит ли опять круговорот
обманщицы-природы летописца
в мечту или скорей в ее игру,
что оба Главных сверху нам швыряют —
в «начнем сначала»? Как соблазн велик —
вслед за весной!.. Если позабыть
об осени, ей противоположной.
И все же – да. Десятков семь с лихвой
судьба несла по этой карусели
то вскачь, то притормаживая ход,
а то и вообще пытаясь сбросить,
чтобы не слишком многое пытал
узнать, что не положено до срока
наивно заигравшимся слепцам,
решившим, вроде, мудро: стань над схваткой
того, что быть могло бы, с тем, что есть.

Она права, но не принять соблазна
не духа не достанет даже – сил!
Разумная отрава скептицизма
тут не удержит – тщусь еще разок
в хвост поезда взобраться на подножку.
Иначе кто меня, как черта, гнал
вслед за грозой по мокрому хайвэю
в спокойном, я-то думал, «Малибу»,
что, будто конь, на мост, ополоумев,
влетел – и на дыбы! Куда! – на нас
вдруг сверху радуга, как перст, прямая —
Сатурна гневный перпендикуляр,
не мягкой что дугой срастался с телом
на запад отходящих туч, уже,

казалось бы, пролившихся потоком
неровных строк на свежую траву,
что впитывала жадно эту влагу.

Как мысль вошла, мол, кончилось искусство,
наш век свернул в иную ипостась,
где для творца какие-то задворки
в теряющем сознание миру?
С чего я взял, что рушатся основы
не нами обозначенных начал,
а, значит, и концов?.. По косогорам,
как зеркальца, свои взметнули солнца
тромбоны одуванчиков. Орган
воздушных сосен справа выводил
классический порыв токкаты Баха,
оческом грома вторя небесам.
А саксофон – лохматый ельник слева —
оттягивал полоску горизонта
к стыдливо розовевшему закату
за кромкой отплясавших джигу туч.
Все это был один шальной оркестр,
плевавший на различье инструментов,
что критиков повергло бы в экстаз.

Искусство – отражение искусства,
что много выше, глубже, шире и
ворчливому сознанию неподвластно.
Немногим – память о былом, что бьет,
когда изменят ей, возвратным светом.
Очнись, безумец! Пять минут назад
ты тоже мчался, с жадностью глотая
осколки преходящей красоты
разверзшейся стихии, и в салоне
ей в унисон Чайковский душу рвал.
Конец искусства как конец дыханья.
Пусть ты не бог – спеши природе вслед,
пока в блокноте есть листков с десятков,
тобою не замаранных еще
в тоске, чтоб оправдаться до июня.

И что же – вот: пишу в аэропорте,
где ждать из дальней родины жену.

У черты

Вы снова здесь, изменчивые тени...
Гете «Фауст»

Настало: занавес почти
готов сорваться, там, за сценой,
стучится кто-то... Ты в ночи
не спишь и холодеют вены.

Бежать от старости смешно,
как ныть о молодости глупо,
единственно – фальшивых нот
как будто меньше, слишком хрупок

сухой остаток: завтра – свет,
глубокий сумрак – послезавтра,
прищелкнуть пальцами в обед
еще не значит сесть за завтрак

в день следующий. Но пока
мысль жадная опоры ищет
в безбрежье щедром языка —
ты жив, пришлец, и, значит, пища

духовная опять нужна
не телу брэнному – сознанию,
как ни горька, ни солоня.
И позднее сольется с ранним

в одной цепочке временной,
пусть тем сходить, а те в начале
пути. Но что там, за чертой
отпущенной, в какие дали

вихрь унесет? в какой раек
наивной басенки старинной,
где бытие – небытие,
а из частиц – одни нейтрино?

Кого здесь спросишь, что кому
назначено – пустая тьма лишь?
Не достучаться к Самому,
что молишься и что скандалишь.

Поверить астрономам, но
их инструмент – всего-то лупа,

а старость... право же, смешно.
Вот молодость... да тоже глупо.

Осталось разве ублажать
остаток трезвый поздним рвением.
Как Фауст, ты не все сказать
успел, еще хотя б мгновенье...

Несутся опрометью дни —
как Маргарита поседела!
Повремени, повремени,
душа, не сдавшаяся телу,
ты снова корчишься строкой,
готовясь вдаль с сумой заплечной.
Нам только грезится покой —
какой покой, когда он вечный...

Где старость бьется пред дверьми,
где юность тщится пасть за други,
простор осмысленный, прими
хоть эти жалкие потуги

каких-то слов, каких-то дел —
мы суетимся, будто живы
в веках... И я не все успел,
как и соспутник мой строптивый,

кому сквозь ночь уже видней
посланник, что за нами выслан.
Но есть еще остаток дней
для сопряженья с высшим смыслом.

После того...

1. Она

Опять весна... но выдержать ли нам
такое обновление природы,
когда эпохи рвет напополам —
на до и после празднеств и исхода.

Все повторялось. Так недавно Пан
со вздохом – вздрогнул Рим! – исчез куда-то.
Как будто кто качал – валил туман,
и людям становилось тесновато

в привычных стенах, будто их сдвигал
возвратный вихрь, рвущийся с Голгофы,
не знавший, на кого обрушить вал
последних слов, еще не сбитых в строфы:

«Отец, ты где?» Чуть больше десяти
учеников. Куда им против силы
толпы? Шептать лишь: «Сможешь, мать, прости,
не сберегли...» И что ж, она простила?
Да, Он учил прощать, но каково
ей, женщине!.. Куда ей до пророков,
до книжников. Был сын – и нет его,
другие есть... Что ж ей так одиноко?

Поодаль слушать ли, припасть к плечу,
когда один грустил, друзей нет рядом...
Одиннадцать пришли. Я промолчу.
Я все им отдала. Чего же надо

еще? Чтоб с ними я пошла к толпе
надежду дать здоровым, утешенье
калекам и недужным? Как пропел
петух три раза – хоть сопротивленья

какое... Петр, наш камень, наш храбрец!
Иаков, Иоанн, что ближе прочих...
и где же он, духовный ваш отец —
все разбежались после первой ночи!

А перед тем, как в день последний свой
на воле он молился: «Как же рано...» —
повязаны порукой круговой,

вы спали под оливой Гефсимана!

Валить на Кариотина... смешно...
Фома, Андрей, Филипп – вы разве чище,
когда затем был хлеб, лилось вино...
Вся плоть Его теперь пойдет на пищу?
Вы разбредетесь по миру нести
Его уроки – что от воли вашей
останется? От главных десяти
не отойти – итог не станет страшен,

коль рвения чересчур, без берегов —
свое вбить, отвергая и достойных?
Он звал к добру, велел прощать врагов —
вдруг именем Его зажгутся войны?

Как смертный знал: всему положен срок —
а что, как долг его переосоздан?
Он шел к любви земной – зачем же бог
далекий, как блуждающие звезды?

Соратники... некрепки вы... просчет,
что так легко решать Его задачи.
Достанет духа вам, Матфей, Зилот,
иль кто-то новый все переиначит?

Варфоломей и два еще на «и»,
повторные Иаков и Иуда,
спешить вам на восток, кресты свои
тащить не за дела Его – за чудо,

которое с приставкой гробовой
к Нему прилепят лихо, и поди ты!
Пройдут века, и сказочкой такой
умело оболванивать левитам
доверчивую паству. Родовых
кровей своих предать я не готова.
Простила б я, пусть мертв, спасете ль вы
хоть капельку Его живого Слова?

Опять весна... Я не скажу вам «нет»,
все впереди еще, покажет осень,
что стоите. Мы все идем вослед
Учителям, а вот куда нас сносит...

2. Они

Что нам ответить, подобрать слова
какие... Пусто в нас, как пусто в храме.
Ты – мать, и этим ты уже права —
нам правоту доказывать делами.

Что ж, вышло так, как вышло. Видно, срок
настал и наш служить еще страничкой
той памяти, что мучает Восток
не в первый раз. Наметилась привычка

от патриархов, дальше по кругам
она скатилась мягко к Моисею.
Ветра слоили почву. Как же нам
куда-то вспять от этой панацеи
традиций. Так ломать, как Он ломал —
откуда духа взять... Что наша ролька?
Без пастуха сметет нас первый вал...
Да, ты права, мы не крепки настолько,

чтоб следовать Ему во всем. Порыв
на пике не удержишь, если сразу
не взмоешь вверх – Восток сползет в архив,
подмятый за века иным экстазом.

Куда там! С ним не сладить: вдруг один,
речистый посильнее нас плюс тот же
какой-нибудь вояка Константин —
и в боги твоего рукоположат,

а дальше... Дальше что, когда с трудом
не слиться с фанатизмом при начале
пути после Него. Но сладить дом,
в котором сохранились бы скрижали

нетронутыми?.. С нами ли, без нас —
как не свалиться с той бездонной выси,
что задал Он!.. Какой бы пересказ
ни явишь – все не то, как ни божись мы.

Свидетели чего – той мировой
античной бойни или же смиренья
всеместного? Ты родила кого —
замену бога прежнего ль? явленье
иного Человека, что пришел
намного раньше, чем его приветить

дано живущим, чей печной горшок
и есть вся вера. Остальное – ветер,

что как наваял, так и унесет
наивные потуги, катастрофу
дежурную?.. Отдышится народ —
и зарастет легендами Голгофа,

настроят храмов, и такой же вал
паломников ворвется в дикой лаже...
Какое Слово! – нужен ритуал
с сопутствующей этому пропажей

исконного. Вновь – свечка за пятак,
как до того по требухе синицы
гадали, те божки ушли вот так —
с глубоким вздохом вдоль по всем границам.

Язычество... но там хотя б отсчет
по кольцам ежегодного прироста
живой натуры. Ну, а нас что ждет?
Что задал Он, решить отнюдь не просто,

хоть облачимся в нимбы... Но и ты,
какая нас сегодня судишь, как ты
избегнешь той же доли? Где мосты,
чтоб чуть подать назад? Какие факты
останутся – бог весть... И нам пути
отмерены не Им, бери повыше.
Что сможем, то удержим, мать. Прости
за завтра тоже. Но покуда дышим,

пусть мытари мы или рыбаки,
простые люди с грубою подстежкой,
все ж каяться вперед нам не с руки.
Коль крест случится... Обожди немножко.

Он сеял рьяно, но какой росток
пробьется к маю... если б знать заране,
к тому ж, куда снесет нас – сведал кто?
Но что-то вдруг проявится в тумане...

3. Он

Одиннадцать ступили за порог,
оставив Мать в предчувствии сакральном.
Что б Он ответил, если только смог
ответить прямо здесь, не виртуально?

Дожди смывали дужки от подков
коней легионерских. Зелеными
холмы уже покрылись. Время снов
рассеялось опять. Мечта с веками
уйдет куда-то вглубь, но вместе с ней
и шорохи уйдут, наплывы теней,
что были или не были? Ясней
картина станет дальним поколеньям?

Исчезнет след могилы ли, креста
в возглавии?.. Уходят молодыми
посланники, не разомкнув уста,
став судьями меж Матерью и Ими.

Хоть что судить, кто плох был, кто хорош,
когда так искажаются посылы
начальные. Светило плещет то ж,
да люди так же слепы и бескрылы.

Лишь иногда какой-то вихрь взметнет
волну неприкасаемого быта,
тогда, возможно, на подходе тот,
кому частичка истины открыта,

и поначалу внемлют стар и мал,
отбитые у вечного испуга.
Но день, другой – уже народ устал,
привычно расползется по лачугам...

Кто их вернет, опутанных тоской
столь многолетней, что слиняли речи
всех книжников земли? Пророк какой
их разведет с планидой человечьей,
где легче верить сказкам, чем в расчет
принять, что и от них зависит что-то?
Что Он ответит... Иордан течет,
в котором старший брат завел охоту

смыть это все. И Он от тех же вод
хотел вести людей к добру и миру...

Но отчего пошло наоборот —
опять смолчит изъеденный папирус.

А что, если совсем не надо? Пусть
лежал бы камень, как лежал он прежде...
Грусть расходилась шире, та же грусть
осенняя, что куталась в одежды

оставленной листвы. Хлеб и вино —
простая жизнь: верстак, доска, рубанок...
Почто тебе любви передано,
в заложники намеченный подранок?

Два яблочка переварились, те —
с познания и раздора, кривотолки
родившие. Еще одной мечте
развеяться, лишь мать взяла иголку

шить ей пеленки? саван? Если б знать,
как подсознание обрастает плотью...
Что ж, спутники правы, права и мать:
едва вздохнешь — от снов одни лохмотья.
Век, два прошло всего — фундамент сел
и накренился смысл Пизанской Башней.
Они о деле ей... а сколько дел
заведанных смывает день вчерашний,

не говоря о завтрашнем? И взгляд
проплыл, где ни смирения, ни злости,
сквозь лысый холм с часовней, зелена
вдоль той тропы, обугленные кости —

свои ль? — под дубом сморщенным. Как мал
зажженный свет, что пал в тот вечер после...
Мать не спала. Круг избранных дремал.
И кто-то юный снова шел на постриг.

Колокола заманивал Грааль
весть о бессмертье вбить куда попало
по всем народам. Он молчал. И даль,
казалось, пробужденная, молчала.

К пейзажу

Брату

1

Хорош здесь пейзаж, но когда чересчур
втирается смыслу в замену,
тогда со-творенья уже не ищу,
укутан божественной пеной

космических ритмов, где даже прибой —
расхожая галька метафор.
В угаре замены принять этот сбой,
соль жизни меняя на сахар

подобья... Уже и красоты не впрок:
как зеркальце, воды качают
подушки небес – подслащенный чаек
сквозь хищные выкрики чаек.

Когда ж параллельный земной тарарам
цепочкой натянется длинной,
отнюдь не пейзаж расплзается – сам
мелькнешь лишь наброском картины,

столетним Аврамом, вписавшим в Завет
орнамент намоленным парнем,
той жертвой, какой оправдания нет,
пускай оказался напарник

всего шутником. Что ж, истец и судья
ты тоже, какие бы книжки
поток ни унес – и твои сыновья
за те же ответят коврижки:

за грусть созерцанья в усталую медь
входящего в море светила,
за то, что и им никогда не взлететь
над этим пейзажем постылым,

без коего сам не протянешь и дня,
и даже за теми столпами,
где прежних не видно тебя и меня,
ему простираться над нами.

2

Что – здешний пейзаж бы ответил – не так,
природа опять виновата:
две трети воды, мол?.. Чего же, чудак,
приперся? Ступай за расплатой

в тот край, где случился, где абрис иной
стоит перед несуетным взглядом,
где дуб твой столетний на тропке лесной
упал, над заброшенным садом

тоска... А когда-то твоею рукой
он вымахал не на бумаге,
нелегкая почва брала, как запой,
все силы – не так ли в овраге
петляла река?.. Вспомни, как трепетал,
перед смутной дорогою сидя.
И все же решился... При чем здесь металл
презренный – тебе-то! В обиде

причина, огулом на все и на вся...
Так из зачумленного Рима
бежали и те, ничего не прося
у родины неизлечимой.

Пейзаж – пейзажем, но если нельзя
рабу хоть ослабить подпругу...
Как тень бестелесная, бродим скользя
по этому ж самому кругу,

где даже неважно – морской ли, лесной
дорожкой светило уходит
за край горизонта, таща за собой
твой загнанный промысел, вроде,

что, может, пробьется еще между строк,
хоть выданный срок все короче...
Ведь мы лишь частичка пейзажа, глазок,
и то слившись с ним, между прочим.

3

Ты смотришь на пейзаж с той стороны,
я – с этой. словно братья перед фронтом
в Гражданской, так мы разъединены
лишь им или пунктиром горизонта.

По вертикали ж занавес меж нас,
где я на сцене – ты в глубинах зала,
а море, лес – случайный пересказ

художника, картонные лекала

картинок мира, чтобы без конца
мелькать в раскрасках хрупких декораций,
где мне не видно твоего лица
и голоса не слышно... Может случиться,

найдет наш режиссер такой прием,
чтобы банальность сгинула к финалу:
спектакль кончится, а мы с тобой вдвоем
в одном пейзаже поплывем, сначала

не знающие, как с разрывом лет
вернуться к прежней общности понятий.
Ты столько там прошел, и этот след
неизгладим... Но уж почти не братья,

как в юности, когда отчуждены
годами поисков – тогда всего двумя лишь,
нащупаем тропу, где мы должны
признать, увы: ни на кого не свалишь —

не вышли в мастера... И каково
подсчитывать итог! Сказать неловко:
все, что писалось слету до то-го,
что думалось, – скорее подмалевки,
так, черновой подстертый карандаш...
Но как оглянешься – одно и было средство
осуществиться, вылившись в пейзаж,
что распростерся с нами по соседству.

Вторичный эпос

1

Тянет на эпос заброшенный... Что ж, подошло
время возвратное: снова случился на грани
дерзкого вызова, будто бы чье-то крыло
лишь прикоснулось слегка – повело на скитанья.

Фауст, мальчишка упрямый, не лучше ль, присев,
пересмотреть двойником обжитые страницы,
чем с Мефистофелем в трагикосмический блеф
поисков смысла в абсурде? Что сможет случиться

в хаосе – ясно: любовь промелькнет в унисон
с юностью купленной, долго б ее и не вынес —
сад соловьиный! Не разумом схватим урон —
сердце защемит... Какими бы ни были, вы не

полые боги – страстишки преследуют нас,
если же спутник такой темпераментный – вдвое!
Душу растратить до смерти, забыв про наказ:
не увлекаться... Куда заведет ретивое!

Разве мгновенье обещанным сдуру: пора
дальше и дальше – замена?.. Незнание шире
выданных глазу пространств, где наука – игра
детства ли, зрелости, старости, смерти. Четыре
есть временных протяженностей и ни черта
больше. Какие куличики сварят реторты
в тесной теории, даже когда пустота,
вроде, заполнена, пусть не без помощи черта?

Тот, что с ним спорил, не прав ли: буди – не буди,
тропка твоя поневоле дотянет до выси,
пусть искушенья, которых еще впереди...
стянут куда-то? Но только природы держись и

пей из нее лишь – возможно, тогда обретешь
силы живое принять, о себе забывая
в бешеной гонке надуманной. Прочее – ложь,
вроде награды за поиски крашеным раем.

Разве не тот испытующий гонит, что Сам
в волнах бытийного моря достичь сердцевины
тайного промысла тщится? По этим местам
слепо блуждать, погружаясь в не наши глубины,

где за печатями манит, за всеми семью,
тяга – хоть как-то избыть поднебесную смуту,
где сквозь абсурд Маргарита мятежность твою
судьям несет, что когда-то не тем ли маршрутом?..

2

Было бы проще: в деревьях затерянный дом,
старая теткина дача на ближней Казанке —
будто бы детство мелькнуло за мутным окном,
или вторичная память играет в обманку.

Редкие крепкие сосны, сухая хвоя
Снизу, кругами, скрывающий тайны подлесок
ближней окраины... Если бы воля твоя —
в этих границах остаться, органная месса

перетянула бы проклятую суету
мысли, еще не созревшей, но мчащейся прочь уж,
только набухнет, в грызню социальную, ту,
что в оправданье неверности высшему прочим.

Как же тебя затащил в эту музыку бес?
ты что пытался озвучить на рухляди старой? —
всех осчастливить, собой расплатившись... А лес
так и стоит, как стоял, хоть и вовсе без пары —

без Самого и посланника, с кем договор
наобещал о-го-го... на поверку же хрупким
сном оказался. Куда там! Серебряный Бор
если бы нам удержать от бандитской порубки,

Остров Лосиный сберечь бы от шустрых деляг,
дьявольский Брокен кремлевский хоть как-то приструнив...
Вовсе не сказки: за лесом уж новый ГУЛАГ,
есть развернуться где буйной совковой Фортуне.

Вновь ни вперед, ни назад, как бывало, с трудом
лишь сосчитать корабли, обложившие Трою,
да за колючкой бараки... Построил бы дом
в немолодом сосняке, где подруга удвоит
пыл не геройский – лирический. Если ж нужда
вынудит перелистать вековые страницы,
то на иной, что попроще дорожке, куда
был бы заброшен не делателем – летописцем.

Все объективней: не гнать поперек лошадей
вскачь по прошедшим когда-то и будущим далям —
что сохранится под будничной сутолкой дней...

Но не промчись мимо главных, не книжных деталей:

там, где любовь, и лукавый бессилён, хотя
вцепится крепко, едва протянуть ему палец...
Эпос по сути вторичен – ужели шутя
в этом потоке нас выкупал веймарский старец?

3

Эпос катил не спеша, отдаляясь строкой
от промелькнувших событий, что были не хуже
нынешних, видимо. Что же мы чести такой
не удостоились как-то, утешившись вчуже

малыми формами, где, подмастерье, итог
хилый тебе подбивать, оставаясь в сторонке
от роковых передраг. Почему-то в песок
наши поделки уходят, забыв похоронки.

В прошлом отечества черных канунов не счесть,
да и теперь не сказать, что намного светлее —
та же в учебники валит придворная лесть,
те же витии рыгают церковным елеем.
Разве трагедии века не стоят пера
пусть безымянных аэдов, что, выйдя из гущи
их породивших народов, смогли б из нутра
душу живую вдохнуть в омертвевшую сущность?

Нет, не сложить «Илиады», и даже Роланд
с кличем «Аой!» не прорвется сквозь полчища мавров,
хоть в 41-м вставал молодой лейтенант
перед фашистской броней, чтоб ответить за лавры

трусов в лампасах. Катарсис, грохочут валы:
море насилья не стерпит, как эпос! – куда мне
от озорного соблазна к познанию уплыть,
даже когда эту мощь разбивает о камни?

Хаос бушует... Сыскать приложения сил,
чтоб захватили тебя без расчисленной меры
кем-то, пускай сатана бы любой предложил
все испытать за мещанскую, сытую серость...

Домик в березках... – ну, нет уж! сменить полюса
истин привычных, готовых до смерти затискать!
Гениев грешных из рая гремят голоса:
а не пора ли в дорогу? Ну, где там расписка!

4

Вот неумная прорва – не валится стих
в яму конца, что уже приготовлена, вроде,
эпос несет его дальше, во время глухих:
та же толпа ждет не этих – попсовых мелодий.
Видимо, перетерпеть нам и этот ледник,
гон перманентный, что снова сметет динозавров,
чтобы из хаоса звук музыкальный возник
в землях атлантов, в расщелинах горного Тавра,

почва нальется под осень – родится поэт,
что воссоздаст для потомков живые картины.
Эпос хотя и вторичен – истории нет,
коли умрет... память Трои не скрасят руины.

Лишь понесется по миру биенье струны,
самой высокой, с богами чтоб спорить на равных
в тех же сраженьях абсурдных – тогда со стены
запричитает опять о судьбе Ярославна.

Эпос есть со-бытие, потому родником,
словно кипящая жизнь, и течет нескончаем,
крохи познания не валятся нам прямиком —
мы со-творцы, отдаем по чуть-чуть, принимая.

Ассоциация (концерт *Р. Шумана* для скрипки с оркестром)

Гидону Кремеру

Как будто тот же рыцарь проскакал,
что из застенка разбудить стремится
мир, спящий на ходу, где зал – не зал,
прискорбная больница – не больница.

Собратья по искусству на краю,
где до безумья так легко скатиться,
прощупывают музыку свою
по чуть живую сторону границы,

где разум отступал от норм, уже
не различимых на таком излете,
облатки нот отпали, и душе
теперь звучать одной, совсем без плоти,

как будто скрипка вырвалась из рук,
смычок за ней, касаясь струн едва лишь,
и звук в те выси полетел, где звук
неразделим на мелкие детали —

сноп света, да такой, что не объять
ничьими, даже ангелов крылами.
Лети! не истощайся! – и, как знать,
вдруг небо распахнется перед нами,

а там... Оркестр выдохнул, без сил
скрипач застыл: вот-вот – и рухнет зданье!..
Ах, слишком высоко опять ... – решил
и растворился в сдвинутом сознание.

Мы разошлись в ночную кутерьму
своих домов, где столь же одиноки
по сути, но давно чужды тому,
что вырывалось за земные сроки.

А рыцарь не сдавался, пусть слегка
и поскучнел под бременем таланта,
упрямо, взор вперив под облака,
гнал по раскисшим тропам Росинанта.

Свет без пламени

*Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора...*

Борис Пастернак

Августа первая треть растворилась, вот-вот
осень накатит с негладным преображением
одушевленной палитры, когда от щедрот
манны библейской слегка затуманится зренье.

Да не заметить расправленных ангельских крыл
в голубизне иудейского знойного лета —
лишь на подобье маляр растрянжирит свой пыл,
жалкий певец поперхнется лукавым куплетом.

Невоплотимо, как солнце уходит, скользя
в легких барашках, едва подбираются воды,
и на прощанье багровым пожаром грозя
всем, заигравшимся в войны. Всевластье природы

снова напомним: куда занесло, капитан,
утлое ваше суденышко даже с начинкой
столь кровожадной, что вздрогнет уснувший вулкан?
Не суетитесь, да будет вам небо с овчинку,
только взломаете ящик Пандоры... Что ж, пусть
попетушатся ребята недолгой игрою —
август вльвет в середину, и первая грусть
вымученной желтизной чуть покроет живое,

сказочной силой творимое, данное нам
трепетное полотно, что с трудом уже дышит,
с тучки подветренной Спас приоткроет сезам,
чтобы ресницы лучей, посылаемых свыше,

вдруг отразили в лазури скользющую тень,
необъяснимый обман утомленного зренья —
или под крыльями чьими-то вскинется день
в очередную фантазию преображенья...

Станет ли легче с ответным порывом... едва ль,
если заблудимся снова в пустых разговорах
в области чуда, небес потускнеет эмаль,
и расползется, как радуга, свет от Фавора.

Так без сближенья дареная хрупкость стечет
к тяжести каменных храмов... Глухи и угрюмы,

что-то дежурное в праздники вымучит рот.
Август слегка попрохладнел, сменили костюмы,

но в застоявшихся душах остался рубец,
чуть прикоснешься случайно – заденет до дрожи...
Преобразимся ли сами уже, наконец,
что-то в бескрылых надеждах сыграет, быть может?

Из далека

1

Странная земля... таких красот
на планете разве что в разбросе,
и при этом как ослеп народ.
И с кого за эту странность спросишь,

где глаза пустые палачей
так же зябко ежятся от страха,
что и жертвы. Мир пустой, ничей,
хоть бы ржи... – могилами запахан,

теми безымянными, травой
наглухо заросшими кровавой,
где с ноги сбивается конвой,
чтоб на случай след оставить правой

кованым в железо сапогом:
сами да не будете судимы...
Та же часть народа, что тишком
пьет, орденносят херувимы

главного земного божества.
Прочный мир, ничем его не сдвинуть,
биться редким честным головам
одиночек о крутые спины,
что все шире, выше, как стена
от росточков смысла и прогресса.
Боже... это есть моя страна,
мой язык родной и кромка леса.

2

Не насилуя дар,
что свалился как чудо,
коль писал – в никуда,
если звал – с ниоткуда.

Не Орфей, не пророк —
созерцатель, не боле,
просто делал, что мог
в относительной воле.

Не сидел, не валил
лес на реках Сибири,
КГБешных громил

не знавал – при квартире,

в тесноте не без книг
и любимого дела
окорачивал крик,
чтоб не так оголтело

поучать. Раскрывал
мир свой взявшимся после,
нот фальшивых не брал,
не старался быть возле
тех, кто выше взлетал
по заслугам, быть может,
не собрал бы и зал
даже крохотный... Все же

сквозь навязчивый шум,
об ином памятуя,
в никуда – но пишу,
с ниоткуда – зову я.

3

Осень прижалась вплотную почти
к выжатой почве, едва отродившей.
Я еще только в начале пути
с прожитой жизнью, как будто не живший.

Первый звонок подошел – и пора
тоже за парту простым первоклашкой,
кажется, мама, как прежде, с утра
возится с ранцем и белой рубашкой...

Все, как и было, идет по кругам
годом за год по, казалось бы, внятным
кольцам спирали, да время – пурга:
те же пласты – отчего-то обратно,

если дуга не удержит – вразброс
рваными клочьями облачной ваты...
Может быть, просто себя перерос,
в буднях ли сытых уже тесновато,
где вдохновенье – ненужный товар:
уличный клоун кого-то заманит?
Мир в настоящем ни молод, ни стар —
видится завтра в каком-то тумане.

С прошлым же проще: едва отгрести
от разъедающих память реалий,

осень прижмется вплотную почти,
как по груди рассыпая медали.

4

*28 августа 1963 г. в Вашингтоне при
огромном стечении народа Мартин Лютер Кинг
произнес свою великую речь-проповедь «I have
a dream...»*

Мы слышаны – не заслушаны,
лишь скользнув по глазам чужим,
как уже не рабскими душами
наполняется новый Рим.

Тою гордостью не насытятся:
Капитолий – в одно лицо,
и мечта с Бухенвальда, с Лидице
древним сказочным образцом.

Тучи поверху, люди в трепете,
с гор пришедшие и с равнин:
– Что на эту мечту ответите?
– Мы с тобою! Веди нас, Кинг!
Будто с паствой своей на паперти,
ненасильем вступая в бой,
в кинокадрах на старой скатерти,
слава богу, еще живой...

Не завидую я Америке —
мне отчизны ужасно жаль,
что пристала надолго к берегу,
где такая у власти шваль,

все разведчики да охранники
(что нам – прочего не дано!),
словно праздничного «Титаника»,
утянули страну на дно,

где последней надежды искорки
распадаются на лету,
спит народ, и не пламя – выгорки
да сухая горечь во рту.

5

Гребнями волн отжимает накат
гальку прибрежную выше, за кромку
вольной стихии. Мне из далека
проще взглядеться в российскую ломку.

Как наркоманов, до судного дня
тянущих руки к проклятому зелью,
как голышей, так отжали меня
черные слухи – какое веселье!?!
Лыбиться б подленько: я-де не там,
вовремя смылся, хлебайте баланду
собственной дури – родимый бедлам
не отпускает... Швыряет шаланду

бешеный ветер, почти в тупике
жаждет команда любой перемены
сущего... Мне что в моем далеке,
в тихом раю добровольного плена?

Все мы изгой, но там или здесь
выскребки памяти не зарастают:
вроде, похожие горы и взвесь
та же морская – да нет, не такая!

Не избежать ни сумы, ни тюрьмы,
волны улягутся раньше ли, позже —
жизнь отжимает ненужное, мы
сами с собой расстаемся, но все же

из далека это как-то ясней,
и ощущаешь на собственной шкуре:
не до злорадства, ты сам среди камней,
разворошенных проснувшейся бурей.

Театр абсурда

Я – Сизиф, каждый раз начинаю сначала. Так и не стал взрослым.
Эжен Ионеско

Пролог

Чем дальше, тем менее мир постижим,
все виснет, все вязнет в инерции ватной
сплошных декораций. Лежим ли, стоим,
куда-то идем, а куда?.. Непонятно.

В театре абсурда не по часовой,
а как бы напротив мотаются стрелки
и вместо героя какой-то изгой
маячит на сцене, фантазией мелкой

модель отчужденности: срез, соскребок
инерции слепорожденного быта.
Спасительной свежести хоть бы глоток
за дверью, что к выходу чуть приоткрыта...

Быть может, вернуться, пока гардероб
сдаст, и, одевшись, скорее на воздух?
Остаться, чтоб краешком глаза на гроб
у ямы, и вновь убедиться, что поздно?

Три серых стены, то ли трон, то ли стул
на кухне: свобода ширяет по кухням,
где каждый участник спектакля тянул
в нехитрую мудрость – а что, если рухнет

само по себе? С нескончаемых лет —
застывший хронометр да стол колченогий...
Вам автор подскажет: «Герой как портрет
семейный». – „А дети?“ – „Взамен носороги,

со-спутники бывшие». – «Что он, больной?» —
«Адепт эпидемии: ищет значенья». —
«Какие-то годы прошли за спиной,
какие-то мысли?..“ – „Размыло теченьем

реки тупиковой: родимся – умрем...
На сцене, как в жизни, никчемно и пусто». —
«Мы бились над этим еще с букварем,
но что достигается вашим искусством?

Путей бы каких...“ – „Место из откидных
свободно, присядьте, пристроившись к ряду
таких же зевак, где один из двоих
навечно проникнулся“. – „Если наградой

отгадка...“ – „Да что-то всегда по пятам
крадется, как тьма, что над нами нависла». —
«Куда же зовете?» – «К абсурду от смысла,
а дальше посмотрим, что выпадет вам».

Подобия действия

1

Здесь занавес, видно, совсем ни к чему —
до жути знакома изнанка созданья,
и свет еще больше уродует тьму.
Движухи ни капли – сползли к ожиданью

герои какого-то чуда: Годо,
Христос, Гаутама ли – все в этом роде,
где символ на символе: мир – городок,
мы самораспяты – никто не приходит!

Напрасны потуги – дыра на дыре
от прежних теорий, над пятнами пятна
с текущей бодяги. Веревку скорей
на сук, как Иуда уже многократно,

предавшие что-то Гого и Диди!
Кругом ни души... Хоть бы кошки, собаки
какая-то ласка... Что жди, что не жди —
лишь Поццо слепой в непроснувшемся Лаки.

Снимаем ботинки, затем одева...
Сухая смоковница будто нарочно
покрылось листвою. Завопить бы истошно —
быть может, найдутся та-ки-е слова...
Встать снова на эти ходули? Взглянуть
в последний разок на пустую дорогу?
«Ты, мальчик, расскажешь о нас хоть немного
тому, кто послал?» Отвечает: «Отнюдь...»

2

Вот кто-то подходит, послышалось: бо-о-м-с!..
Две тени, с облезлыми курами схожих,
в подвале, естественно: «Тоже мы ждем-с,
всех звали – придут, так уж выдадим тоже».

Им чуть за 90 всего, но порой,
глаза приоткрыв: «Что же, Семирамида,
пора?» – „Стулья... стулья давай! Ты такой...
ты сможешь...» На сцене уже пирамида —

пошли... Будто вправду: дворянство, король —
весь плебс... Он: «Монархам – особые роли,
позвольте!» Когда поднимается голь,

держись, обыватель! Она: «Только волю,
нам дай!“ Он: „Подруга, что сможешь, тащи!
народишу – рухнут вот-вот половицы!“ —
«Ты годы прождал... уж теперь не взыщи». —
«Я думал, такое когда и приснится...

Но вот наконец время нам подошло
черту подвести!“ – „Ты такой... по основам...
смелее, мой мальчик! расправься орлом!“ —
«А крылья-то где?.. как подавишься словом...
нет, пусть секретарь уж...» Тот страшно: «А-а-ы-ы...»
Всего-то!.. в гортани как рыбы кости...
Какие герои, такие и гости —
все пусто, лишь стульев кривые ряды.

3

Ну, здесь-то случится: бульвар, на пути
какой-то зеленый... Из публики: «Выжил!..
По стопке теперь – и трава ни расти!»
Соседи: «Да тише!» Мы, вроде, в Париже.

Какая-то женщина... Скрыл балахон —
возможно, когда-то была сексуальна.
Гремят носороги, как Иерихон.
А, может быть, трубы архангелов свальных.

Тусуются маски. Брюнетка. Блондин.
Поди разбери тут – комедия, драма:
«Вот тоже загвоздка – два ль рога? один?» —
«А кто в чемпионах – „Спартак“ ли, „Динамо“?»

Вдруг что-то... как заплесневеет листва:
сухой, бородавчатой сменится кожа,
бугор выпрет вдруг по-над носом, едва
не падаем на руки... Это встревожит

кого-нибудь?.. Офис, где Он и Она,
как будто влюбленные. Он осторожно:
«Не лучше ли нам отойти от окна?»
Она: «Да куда? ведь без них невозможно —
весь город дрожит, и, наверное, нам
не стоит уж так отделяться. Я тоже...»
В партере сидят... так, однако, похожи...
Лишь Он: «Нет! себя не предам!» Не предам?..

4

А действо по кругу... «Заждались уже?» —
«Да вряд ли кто выдержит эту тощищу —
что кукиш в кармане, поручик Кижее...» —
«Стоп! вроде, рассеялось что-то вне пищи:

король умирает!» — «Шутейно?» — «Всерьез!» —
«И тот, что так бодренько ходит по сцене?» —
«И тот!» — «А страна?» — «До пушинки разнес!» —
«Что ж нам остается?» — «Готовиться к смене». —

«На что поменять-то?.. Нет, братец, уволь,
каким был правитель, теперь уж не важно.
Страна — не страна, где король — не король,
а так... гиль житейская, вроде бумажной

подставы, театр на двоих, реквизит». —
«Но все-таки жалко: страдает, бедняга...»
Вдруг все исчезает. Зал дружно храпит.
Неужто никто и не сделает шага,

чтоб выйти из морока? «Я-то не сплю?..
Хотя и актеры порою как боги,
что пьет обывателис, что в револю...» —
«А в общем горниле — одни носороги». —
«А сами-то кто? Мы на сцене или
в реальности чьей-то?» — «Что сами играем?» —
«Казалось, куда-то по юности шли...»
Откуда-то сверху: «Абсурд нескончаем?»

Эпилог

Свет. Рампа пуста. Кто-то: «Как бы еще
в такое не вляпаться! Плачены бабки!»
Но символы – это скорее обсчет,
борьба не на равных, какие-то прятки,

бюджет с дефицитом, пустышка, секвестр
обмылков давно уцененного рая.
Какая гармония?.. этот оркестр
ни Баха, ни Моцарта нам не сыграет,

коль весь модернизм как сухая вода,
лишенный души хохоток интеллекта,
где жалкий герой, усредненный до Некто
и, вроде бы, смелый прыжок... в никуда!

В тупик! Но мы дышим еще и снуем
в красотах пейзажей, и даже усталость
с работы (всегда бесполезной?), что днем
не только абсурд лишь... а если досталось

в любви и в искусстве отметить чуть,
отдавшись течению божественной лени...
Мы не совершенны – и что же? сомкнуть
устало глаза, предоставивши смене

безумною гонкой разрушить чердак,
что сами воздвигли? Хоть солнышка б лучик...
Желание жизни естественно, как
свод радуги, что развернулся сквозь тучи.

В абсурде на это намеком хотя б,
чтоб сдвинулось что-то, и дело не в форме,
а в том, что словами бросаясь шутя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.